

РЕЧЕВАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

Для каждого, кто занимается исследованием вежливости, наибольшую проблему представляют собой определение самого термина «вежливость» и разделение значений понятий «вежливость» и «вежливое поведение». Вопрос определения понятия вежливости затрагивался многими лингвистами, но остается неоднозначным и по сей день. После рассмотрения проблемы вежливости Браун и Левинсоном [1] ведутся непрекращающиеся споры ученых об этом феномене, находящемся на пересечении исторического, лингвистического, социального и когнитивного процессов.

В понимании обычного человека вежливость неотделима от вежливого поведения, внимание акцентируется на процессе, вежливость выражающем. В повседневной жизни вежливым называют поведение, манеры, которые определяют как «хорошие», «социально приемлемые», соответствующие ситуации, а сама вежливость в понимании человека, как правило, сопровождается наличием чувства такта, проявлением заботы об окружающих, искренностью, отсутствием агрессии и т. д.

Однако собеседникам, особенно принадлежащим к различной культурной и / или социальной среде, проще определить поведение человека как невежливое, грубое, оскорбительное, нежели единогласно назвать его вежливым. Существование понятий вежливого и невежливого (грубого) поведения, пусть даже различно оцениваемых в разных культурах, дает понять, что сама вежливость (как и невежливость) существует в той среде, где присутствуют межличностные отношения, проводится постоянная оценка статуса, возраста, пола собеседника, конкретной ситуации, и является непременным атрибутом каждого общества. Формы вежливости (как речевое выражение вежливости) представляют собой выбор говорящего, отражающий как взаимоотношения собеседников, отношение к предмету разговора, так и его собственный уровень интеллекта, эрудиции и степени образованности.

В разных языках и странах в понимание вежливости вкладываются различные значения, а вежливое поведение представляет собой набор характеристик, свойственных каждой отдельно взятой культуре.

Например, понимание вежливости русскими, англичанами (английский эквивалент вежливости – *politeness*) и греками (близкое по значению греческое понятие – *evgenia*) может казаться одинаковым, но эта видимость исчезает при рассмотрении поведенческих характеристик и качеств, которые вкладывают в эти понятия носители языка. Чаще всего вежливость ассоциируется с вежливым поведением, а его характеристики варьируются в соответствии с национальностью, возрастом, статусом говорящего. В каждой отдельной культуре представления о вежливости и вежливом поведении изменялись на протяжении веков, проходили свой путь адаптации к исторической эпохе и обществу, что не позволяет делать общие выводы касательно однозначного понимания вежливости в мировом масштабе. Приведем несколько примеров. По исследованиям Марии Сифиану [2], греки понимают под вежливостью, вежливым поведением выражение заботы, внимания и уважения по отношению к собеседнику, делая акцент на близости отношений, теплом участии и дружелюбии. А само значение термина «вежливость» рассматривается прежде всего как средство избежания конфликта в речевом взаимодействии. Английское понимание вежливости в данном плане несколько отлично от греческого, поскольку в английском проявлении вежливости, кроме уважительного отношения к собеседникам, уделяется внимание и соблюдению формальностей, четко выражено желание не навязывать себя собеседнику, а проявлять альтруизм, великоду-

шие. Проявлениями вежливости в английском обществе считаются также нравственность и самопожертвование.

По результатам исследования Ратмайр [3], русские описывают вежливого человека как «спокойного, уравновешенного, гармоничного, внимательного, дружелюбного, хорошо воспитанного, сдержанного, принимающего во внимание свои недочеты и ошибки (недостатки), не вульгарного, не грубого, не высокомерного, уверенного, всегда отвечающего на письма и готового слушать одну и ту же историю несколько раз». Англичане, говорящие на русском, обращают внимание на прямолинейность русского языка, которая противоречит английскому пониманию вежливости с ее формальностями и выдержанностью. Однако наличие такой поговорки в русском языке как «плохой мир лучше доброй ссоры» все-таки предполагает некоторую сдержанность русских в выражении агрессии и ориентацию на поддержание хотя бы формальной доброжелательности в межличностных отношениях.

Исследования, проведенные японским лингвистом Идэ [4] и направленные на выявление противоречий в выводах общего характера в работе Браун и Левинсона, показывают, что понятия «вежливость» и «дружелюбие», относительно близкие между собой в американской культуре, в японской культуре не взаимосвязаны. Было установлено, что прилагательные *тэйнэй-на* (наиболее близкий понятию вежливости эквивалент) и *ситасигэ-на* (дружелюбный) в японском понимании далеки от близости американских понятий вежливый (*polite*) и дружелюбный (*friendly*). В то время как *кэйи но ару* (почтительный), *тэкисэцу на* (соответствующий, подходящий) находятся в тесной связи с понятием *тэйнэй на*, т. е. «вежливый», что подтверждает положение японских лингвистов об оценке собеседников с точки зрения их социального положения в японском обществе. Вышеприведенный факт указывает не только на отличия в понимании казалось бы схожих понятий в японской и американской культурах, но и на отличие языкового поведения японцев от американцев, отличие в восприятии, анализе и поведении в конкретных речевых ситуациях. Некоторые лингвисты считают, что американцы, принимая за основу общения равное положение каждого, используют в среднем больше вежливых оборотов, чем японцы. Поскольку японцы в речевом общении, разделяя людей на принадлежащих к своей группе – своих, не принадлежащих – чужих, и незнакомых, будут использовать вежливые формы только по отношению к вышестоящим (своим или чужим), особенно при выражении просьбы или благодарности, в то время как по отношению к равным себе и нижестоящим почтительные выражения использоваться не будут, а незнакомых людей будут вообще игнорировать. Дети, ученики и подчиненные в японском обществе находятся на более низкой социальной ступени, нежели родители, учителя и начальство, и поэтому вежливого отношения к себе не требуют. В то время как в западном обществе даже при выражении незначительной просьбы, независимо от общественного положения человека, даже по отношению к ребенку, говорить «пожалуйста», «спасибо» и т. п. считается признаком хорошего тона, вежливости.

Несомненно, японской вежливости характерно относительно туманное построение высказываний. А русская «прямолинейность» так же далека от японской туманности, как и от американского выражения вежливой приветливости, где говорящего, например, несколько не волнуют ответы на вопросы «How are you?» или «How do you do?», поскольку они являются частью приветствия и ответа, тем более подробного, не требуют.

Разница в языковом выражении вежливого отношения к собеседнику указывает на существование отличий как в мышлении, так и в восприятии вежливости людьми, принадлежащими к разным обществам, разной культуре. Формы вежливости, развиваясь вместе с самим языком, проходят процесс адаптации к обществу и представляют собой один из способов «выживания» человека в социуме, возникая, трансформируясь, устаревая, исчезая и появляясь вновь на всем протяжении существования человеческого общества. Независимо от ориентированности общества на группу или на индивидуальность так называемые «формы вежливости» «подстраиваются» под стереотипы поведения и виды корректного общения в каждой отдельной культуре.

Исследователи вежливости в мировом масштабе принимают как аксиому универсальность понятия «вежливость», проводятся массы сопоставительных анализов выражения вежливости в разных культурах. Однако относительная схожесть понимания вежливости может являться лишь совпадением оценочных характеристик поведения человека в разных культурах, поскольку любое общество осуществляет моральную оценку поведения человека, а различия

в представлении моральных ценностей настолько разнообразны, охватывают различные качества человека от дружелюбия до смелости – например, способности совершения ритуального самоубийства – *сэппуку*, которое тоже можно назвать проявлением вежливости, соблюдением этикета самурая по отношению к своему хозяину. Оценка поведения как вежливого или невежливого не только варьируется в зависимости от культуры собеседников, но и сугубо субъективна. Поведение человека строится на субъективном восприятии информации, причем слушающий не всегда может обозначить обращенную к нему реплику как вежливую или невежливую, определить позитивность или негативность используемой стратегии вежливости, не только из-за недостаточного знакомства с теорией Браун и Левинсона, но и ввиду отсутствия времени на раздумие во время устного общения. Во время речевой коммуникации человек не имеет возможности задуматься и уйти в решение вопроса – действительно ли реплика была вежливой, а не агрессивной, к примеру, и стоит ли расценивать агрессию, выраженную вежливо как действительную агрессию? Такие же вопросы возникают при оценке корректно выраженного сарказма, иронии в ходе беседы. Человек воспринимает любую фразу интуитивно, автоматически, и вполне вероятно, что он пересмотрит ее смысл потом, обдумав и оценив как поведение – свое и собеседника, так и ситуацию, в которой социальное взаимодействие имело место. Восприятие информации – субъективный и автоматичный процесс, когда поступающий к нам в мозг словесно выраженный поток сведений преобразуется наиболее привычным нам способом, помогая оценить происходящее в рамках нашего понимания. Единственное, что человек может сделать для более успешной адаптации к социуму с помощью языка или получить желаемое – проявить ритуальный набор знакомых ему или общепринятых в определенной культуре средств выражения расположения, симпатии, почтительности, уважения – всего, что понимается в отдельной группе под вежливостью. Иначе говоря, лингвистическую вежливость в широком плане можно рассматривать как способ корректного языкового выражения отношений между говорящим, слушающим и людьми, о которых идет речь, в рамках принятых правил и традиций. Вежливость – абстрактное понятие, нормы выражения которого варьируются в зависимости от моральных ценностей общества, а в некоторых культурах не существует даже терминов, обозначающих вежливость, буквально соответствующих друг другу.

Принимая во внимание адаптационную сущность человека, можно предположить, что вежливое языковое поведение представляет собой не что иное, как наиболее благоразумное и адекватное ситуации поведение человека в социальном взаимодействии. Однако принимать понятие вежливости как универсальное невозможно, поскольку любая теория, рассматривающая и развивающая эту идею, будет относительно правдоподобна в рамках одной культуры или нескольких схожих, либо построена на предположениях, совпадениях и субъективных оценках человеческого поведения, результат будет относительным.

Современный взгляд на явление лингвистической вежливости предполагает широкий спектр определений и характеристик. Одна из наиболее влиятельных работ, касающаяся темы вежливости, – исследование Браун и Левинсона, рассматривает вежливость как набор стратегий, позволяющих смягчить угрозу самоуважению собеседника. В зависимости от ситуации этот набор изменяется, представляя собой ряд фраз и выражений, не обязательно являющихся действительно вежливыми. Теория Браун и Левинсона предполагает постоянный анализ реплик, прогнозирование возможных ответов собеседника, изменение стратегий в ходе беседы для минимизации возможной угрозы самоуважению. В каждой языковой ситуации, по Браун и Левинсону, говорящий примерно предполагает возможные ответы, и чем более знакома ему ситуация, тем автоматичнее будут его реплики. Если принять во внимание, что на выбор стратегии общения в ходе беседы, кроме знаний и опыта говорящего, влияет и количество времени, отведенное на ответ, т. е. на выбор наиболее подходящей стратегии из ему известных, можно предположить, что стратегическое построение беседы будет наиболее ярко проявляться в письменном выяснении отношений, переписке. В принципе, можно сделать вывод, что в работе Браун и Левинсона рассматриваются стратегии вежливого поведения, заранее прогнозируемые как говорящим, так и слушающим, что не является непременным атрибутом реального общения. Сложно утверждать, можно ли такое поведение назвать проявлением настоящей лингвистической вежливости, а не рутинным обменом репликами, пусть и формально вежливыми.

Определенно, существуют индивидуальные и культурные различия в выражении и понимании вежливости. Если использовать терминологию, введенную Гоффманом [5] и разработанную Браун и Левинсоном, можно заинтересоваться вопросом, во всех ли культурах люди, используя вежливость, соотносят ее с моделью «лица» (face). В теории Браун и Левинсона, стратегии вежливости направлены в основном на слушающего, управление лицом рассматривается как взаимодействие, где угроза чужому лицу рассматривается как угроза своему. Действительно, в процессе общения действия человека и их потенциальный результат направлены в основном на себя с помощью собеседника и реже – только на собеседника. Однако существуют ситуации, когда перед человеком появляется выбор – защищать свое лицо или заботиться о лице слушателя. Например, в случае, когда человеку приходится объяснять свое поведение, нарушившее какие-либо общественные нормы, очевидна обоюдная угроза самоуважению как слушателя, так и говорящего. В случае оскорбления собеседника возникает угроза его позитивному лицу или в случае порчи одолженной вещи появляется угроза его негативному лицу, плюс угрозы как позитивному, так и негативному лицу самого говорящего. Признание говорящим своей ошибки или неправоты поддерживает позитивное лицо слушателя (и, возможно, негативное, если идет речь о возмещении убытков), но одновременно угрожает позитивному и негативному лицу говорящего. И наоборот, отказ от объяснений уменьшает угрозу позитивному и негативному лицу говорящего, в то же время увеличивая эту угрозу по отношению к слушателю. Зачастую чем больше внимания уделяется собеседнику, тем скромнее становится лицо говорящего.

Определение мотивов использования вежливости как смягчения угрозы позитивному и негативному лицу как универсальных вызывают непрекращающиеся споры среди лингвистов. Например, утверждается, что проявление вежливости как смягчения угрозы негативному лицу существенно только в западной культуре или культурах, основанных на индивидуалистическом, независимом укладе жизни. Мацумото [6] поясняет, что в японской культуре собеседники ориентируются скорее на свои взаимоотношения, чем на отстаивание индивидуальных прав и убеждений, тем самым минимизируя значимость негативной вежливости, выражающей право на свободу действий и отказ принимать на себя неприятные обязательства, нежелание испытывать давление. Например, проявление уважения в японском обществе может выражаться и возложением ответственности на слушателя, проявляя зависимость говорящего от него, нежели попыткой эту ответственность уменьшить.

Как в индивидуальном отношении, так и в разных культурах одинаковое действие может нести разные степени угрозы самоуважению человека, что объясняется различным восприятием одного действия разными людьми и соответственно влияет на формы выражения вежливости в процессе общения людьми разной культуры или социальных групп. Относительная прогнозируемость поведения помогает собеседникам придерживаться социально приемлемых норм общения, скорее всего, ввиду автоматичности их употребления, однако стоит одному из говорящих оказаться непредсказуемым в речевом поведении, большинство его собеседников будут инстинктивно избегать общения с ним из-за присутствия постоянной угрозы самоуважению.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что лингвистическая вежливость является не только инструментом социального взаимодействия человека, но и способом адаптации человека в обществе, относительно неосозанным, автоматичным и направленным на поддержание самоуважения через поддержку самоуважения собеседника.

Проявления лингвистической вежливости варьируются как в зависимости от моральных ценностей общества, сформированных его историей, традициями и культурой, так и от социального положения человека и его индивидуальных характеристик. Также, если человеческое общение сводится к тому, чтобы «давать» и «получать», а нацеленность на «получение» играет приоритетную роль в формировании нашего поведения, речевая вежливость служит одним из средств минимизации усилий говорящего, направленных на «получение» желаемого.

Исследования, проведенные лингвистами разных стран касательно вежливости и вежливого поведения показывают, что понимание вежливости в разных культурах включает в себя внимание к собеседнику, направлено на доброжелательное взаимодействие собеседников, требует умения в обращении и определенных знаний. Можно предположить, что вежливое поведение, включая вежливую речь, хоть и являются средством адаптации человека к социуму, но не есть его прирожденные качества или умение, поэтому мы вынуждены постоянно

изучать и совершенствовать свои навыки использования как самого языка, так и вежливых форм, ориентируясь на общественные ценности и социальные взаимоотношения.

Список литературы

1. *Brown P. Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
2. *Sifianou M.* Politeness Phenomena in England and Greece: A Cross-cultural Comparison. Oxford, 1992.
3. *Rathmayr R.* Am Beispiel Expliziter und Impliziter Hoflichkeit im Russischen', in Girke // Slavistische Linguistik. Munich, 1995.
4. *Ide S.* Lingistic Politeness, III: Linguistic Politeness and Universality // Multilingua. 1993. No. 12.
5. *Goffman E.* On Face Work [1967] // The Discourse Reader / Eds. A. Jaworski, N. Coupland. L.; N. Y., 1999.
6. *Matsumoto Y.* Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 11.

Материал поступил в редколлегию 09.07.2007